

Творческий портрет

В ДЕТСТВЕ она больше всего любила играть «в артистки». Но тогда театр казался храмом, где священнодействуют какие-то неземные существа. Потом Светлана Данилюк сама играла на сцене — в самодеятельной студии. Но театр по-прежнему казался все таким же недостижимым. И, подавая документы в Киевскую консерваторию, она совсем не надеялась, что в мире искусства найдется место для такой обыкновенной девчонки, как она.

Когда Светлана пришла в Пермский театр оперы и балета, это чувство благоговения и трепета перед чудом искусства не оставило ее. Впрочем, и сейчас артистка испытывает его. Только чувство это превратилось в сознание ответственности своей роли — роли слугителя искусства. Если перестать ощущать свою причастность к «сотворению чуда», а в театр приходить как на службу, искусство исчезнет, превратится в ремесло.

Во всех партиях, которые исполняет Светлана Данилюк, чувствуется взволнованность, какая-то приподнятость. Пусть не все они одинаково удачны, но в ее ролях нет равнодушия, которое ведет к серости, к повторению азбучных истин. Даже если гамма выразительных средств оказывается не слишком богатой, звуки ее всегда яркие и сочные.

Светлане Данилюк повезло — уже в первой своей роли на сцене Белорусского театра оперы и балета она сумела выразить свое кредо, свое отношение к искусству. Это была Кармен в одноименной опере Бизе. Музыка и драматургия ее дают богатейший материал для создания яркого характера. Артистка сумела передать «пламя страсти», жизнеутверждающую силу образа. Причем делала она это со вкусом и чувством меры, не соблазняясь «цыганщиной» или псевдоиспанской красотой и эмоциональностью. Но внешняя эффектность Кармен, пожалуй, все же увлекла артистку. Не случайно она признается, что не хотела бы слишком часто встречаться с этой партией. Она опасается, что подлинное чувства могут приобрести фальшивые ноты, а яркий образ может превратиться в пестрый фейерверк.

Уже в этой роли артистка заявила о своей готовности к поискам, ненависти к штампу, о стремлении найти свое в давно знакомом образе. В этой партии проявилось ее желание, преодолевая условности жанра оперы и используя ее богатые возможности эмоционального выражения, воплотить на сцене живого человека.

Часто певцы, обладающие хорошим голосом, высокой вокальной культурой, стараются в любой партии удивить виртуозной техникой, легкостью преодоления «трудных мест». Для них звучание голоса — главная цель. Для Светланы Данилюк голос — язык души, средство выражения

ЧЕМ ЖИВА МЕЧТА

чувств. Вот почему ей лучше других удаются партии, которые близки ее собственному мироощущению, характеру, темпераменту, которые могут «высечь искру» из ее души. Это героини, сильные духом.

В Пермском театре оперы и балета она создала интересные образы Любаши в «Царской невесте», Марины Мнишек в «Борисе Годунове». Особенно близка ей Любаша. Певица очень много работала над этой партией. Зато каждый раз, когда Светлана выходила на сцену в «Царской невесте», она чувствовала, как откликается зал, как он радуется и страдает вместе с нею. Потому что в эту минуту она не могла отделить себя от Любаши. И зал, чуткий, отзывчивый, все понимающий, помогал ей проверить себя, помогал добиться полной самоотдачи.

В такие моменты артистка испытывает и наивысшее вдохновение и беспредельное счастье творчества, ради которого стоит работать, работать и

снова работать. Сомневаться, искать, отчаиваться и находить то, что вызывает бы отклик в сердцах людей.

За пять лет в нашем театре заслуженная артистка БССР Светлана Данилюк сыграла много ролей. Она пела почти все партии меццо-сопрано. Но не все они приносили радость ей самой и зрителям. Одни — потому, что своей традиционностью мешали искать что-то свое. Другие — из-за отсутствия острой драматургической основы. Но каждая из них была новым шагом к совершенству.

Мы увидели ее Марфой в «Хованщине». Сильной, трагичной, протестующей. Но, пожалуй, этому образу не хватало цельности. Может быть потому, что до конца не поверила она своей героине, не приняла ее полностью. Так, как приняла она Амнерис.

Чем привлекает эта героиня артистку? Прежде всего сложностью и противоречивостью характера. Обычно Амнерис рисуют одной краской. Зло и коварство — вот в чем принято видеть основу этого образа. Данилюк видит ее страдающей, исполненной высшего трагизма. Постигание этой мятущейся, не знающей покоя и счастья души доставляет Светлане Данилюк радость. Каждый раз, выходя на сцену в «Аиде», она заново обвиняет и оправдывает — не древнеегипетскую царицу Амнерис, а женщину, которой любовь принесла страдания. И вокальная сторона образа неотделима от драматургической.

В глазах артистки мы видим то же неподдельное горе, которое звучит в ее голосе, — оно просвечивает сквозь гордую силу и власть царицы. Ее Амнерис тревожит не только сердце, но и мысль зрителей. Но Данилюк кажется, что можно заставить звучать этот образ, как и саму оперу, современнее.

Путь на сцену у многих артистов одинаков. Но в искусстве нет одинаковых дорог — каждый должен найти свою. К этому стремится и Светлана Данилюк. Ее мечта — спеть Розину в «Севильском цирюльнике». Мы привыкли слышать эту партию в исполнении колоратурного сопрано. И вдруг: Розина — меццо-сопрано. Необычно, трудно... Но самый прямой путь к успеху всегда не самый легкий.

В репертуаре певицы есть отдельные фрагменты этой партии. А афиши объявляют о новых ролях С. Данилюк — Кончаковна в «Князе Игоре», Азучена — в «Трубадуре». И еще сольные концерты. Работа, работа... И волнение — совсем такое, как тогда, когда она в восемнадцать лет готовила в вокальной студии свою первую партию — Ули Громовой в «Молодой гвардии» Ю. Мейтуса. И радость — такая же, как в день первого выхода на сцену.

Г. ЦВЕТКОВА.